

18+

Светлана Леонтьева

Однокоренные люди

лирика

Светлана Леонтьева

Однокоренные люди. Лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70585816

ISBN 9785006279889

Аннотация

Лирическое повествование о современном мире и современных людях. Книга очень чувственная, эмоциональная, душевная, фольклорно-лирическая. Любовь к людям, к каждому человеку, к природе – это Русь в её изначалии и совершенстве.

Содержание

ПОЛЕ СПАСА РУССКОГО	5
ЦАРСКАЯ БАЛЛАДА	11
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Однокоренные люди

Лирика

Светлана Леонтьева

© Светлана Леонтьева, 2024

ISBN 978-5-0062-7988-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЛЕ СПАСА РУССКОГО

Мне, гадкому утёнку в детстве,
понятны все превратности пути:
и клювы острые, и стрессы, лиходейство,
подставы и предательство!

Вкатить

и я могла мальчишке прямо в печень —
драчуня и кусака. А ещё

могла я заступиться, «если чё»
за слабых первоклашек-человечек!

Мне, гадкому утёнку, в стае из
дворовых девочек и местных хулиганов
бывало горько. Помню, на карниз
однажды встала! Если бы ни мама
и если б не спасительный отец!

Я выросла. Хранил меня боец —
мой ангел, серафим, шальная птица.

И я была, как в поле, единица!

Что дальше было? Техникум и ВУЗ
и сурдопереводчиц древний курс,
и первое замужество на сдачу.

И я рожала маленьких детей
без обезболивания, тогда, поверь,

что кроме анальгина и в придачу
увещеваний: «Милая, терпи!»
нам, женщинам, ничто не доставалось!
Так в девяностые рожали мы, в горсти
сжимая простынь и впадая в ярость.
Но я горжусь, что не орала я,
не плакала я и не материлась.
Во мне священное из крови и нытья,
во мне утробное из звёзд, любви, житья!
Поэтому – жила во мне терпимость...
Не надо говорить – се есмь враньё! —
Леонтьева, как оборотень, вруша.
Нет, я, как бабка! Это есть моё!
Варила, шила и ждала я мужа.
А после дочь из школы я ждала,
а после сына я ждала влюблённо!
Не надо делать из меня орла.
Не надо делать из меня ворону.
Лернейску идру, чудище обло,
слониху, черепаху, волколака.
Из гадкого утёнка всем назло
выпархивает лебедь лишь, однако!

Не гляди на мои локоны, крашенные губы,
каблуки двенадцать сантиметров, юбку «до самого».
Такие, как я, лишь на расстоянии любви,

а в душе у меня – зверьё полосатое!

Издали идёшь и думаешь:

у неё там по венам берёзки кудрявые,

у неё там по косточкам текут птицы рунные,

у неё там, в животе семиструны с октавами!

Что она такая шёлковая, плюшевая да круглая

для любви красно-дневной,

для песенок рыцарских.

А у меня давно по венам берёзы обуглились,

а у меня давно разногласия с птицами.

У меня давно ворон ворону глаз повывклевал,

у меня давно вор у вора украл (вор ты, деточка!),

и не кукла я та, что шитая лыками,

я – боец, а не тонкая веточка!

Я сама вам спою неубитою родиной,

я сама вам станцюю Хака перед битвою.

Не нужна мне поддержка, сама по сугробам я,

и сама по горе: пятки сбитые

до кровавых мозолей. А парни-то, парни-то

стали женоподобными – в шёлковых плащиках.

Вот поэтому женщинам-воинам надобно

собирать рать, в сражение идти против нациков!

Я таскала мешки да кули, доски, брёвна ли,

оттого ноги точит мои артропластика!

Но не Сонечка я – груда розовых слоников,

мне Алёнушка ближе, что Арзамасская!

Мне сражаться лишь с теми, кто равен по матрице,
ах ты холм, ах ты сопка, крутой берег капища.
Выхожу – туфли красные, красное платье.
Мой исток внутри сердца.
Он матричный!

Двадцать первый наш век – Бородинское поле,
обойти невозможно. И не обойти.
Эй, вставай, поднимайся, ешь хлеб и пуд соли,
богатырь – русский воин, иначе кранты!
Ястреб-жизнь, речка Стикс, этот смертный журавлик,
помни то, что ты – поле, и ты здесь стоишь.
И ты будешь стоять, хоть и крылья оплавишь,
и ни шагу назад за Урал и Иртыш.
Опираясь на стержень, на ось, взмоет «мавик»,
всё, что к полю пристрочено, это – твоё!
ястреб-жизнь, речка Стикс, этот смертный журавлик,
всё, что связано родиной – есмь Житие.
И пока живы мы – Нестор жив, мних кудлатый.
Пушкин жив и Булгаков, и Грек Феофан,
и Мария Ивановна в петельке мятой,
и Каренина Анна – в надрыв, между шпал,
и вот это – «я – Ксения стала Андреем!»,
Ярославна рыдает на взгорье-стене.
Супротив врагов поле, как смерть красным рдеет,
терпко жжёт да болит, крепко ранит в стерне.

Похороним врагов – у нас несть подземелья,
для холмов, означающих – прочь с наших пашен!
Для курганов, кричащих – идите отсель вы,
Бородинское поле – защитное наше
по итогу побед, где дорога да синь,
по итогу экзистенциальности Бога.
Бородинское поле – его не сносить,
это вам не пальто, это вечная тога,
это бронник и каска, и танк, щит и меч,
это Брестская Крепость и Кремль, и Иссакий!
Я не знаю, как вам, мне почётно здесь лечь
и уже никогда не иссякнуть!

ЦАРСКАЯ БАЛЛАДА

Походная жена, чухонская царица, золушка...
Страной столетье правил женский пол!
То немку, то датчанку брали в жёнушки
цари великие. У каждого камзол
расшит серебром да золотом первой пробы.
С чего бы так? А как ещё Европу
нам приручить? Через любовь, постель,
так спит земля с землёй иных земель.
И Змий, и яблоко в одних руках царёвых.
В Исаакиевском храме пели так,
как будто бы не горлом, пели – кровью,
цари датчанок, немок на руках
несли в альков. Их клали на постели,
любили, обладали и потели,
их целовали, нежили впотьмах.
А что сейчас мешает целоваться,
любить и обнажать сих жён, баб, девок
под музыку, под стон, под вопль вибраций?
Пусть женится вся свита! Было б дело!
И корни древа родословного втекали,
простите мне, вовнутрь – в такие дали
аж до Китая...
Особенно мне жалко Лизавету

Петровну: как она мечтала
о Карле (род Гольштейна), в быте – Петя,
но умер он от оспы, шведский малый.
София Федерика Ангальт Цербская
приехала в Россию с дипломатией,
учила русский барышня немецкая,
пока жених играл её в солдатики.
И стала – русской, синеглазой, солнцеликою,
и стала самодержцею великою!
А муж, как наречён, что делал он?
Простое: был смещён и умерщвлён
во имя царствия, во славление престола.
Карл Петер Ульрих – внук Петра, который
в Европу прорубил окно, он мог бы
владеть не только русскою короной,
а мог стать шведским королём, в итоге
он стал покойником...

С тех пор вражда и свара
между Европой восторжествовала.
А может, позже... но всё длится, длится,
у этой свары длинная десница,
у этой шмары двадцать первый на дворе
и апокалипсис, не Висла. Речка-Стикса,
где рыбы водятся – селёдка, угорь, пикша,
зеленохвостые, похожи на пюре.
А здесь у нас есть Матушка-река,

а здесь у нас есть батюшка-Байкал,
нам не нужны ни свары и ни шмары,
из дерева, разбитой стеклотары.
Мне жалко только яйца Бомарше —
изобретателя, агента, музыканта.
Закуривай! Европы нет уже,
она, что Азия, шахидка-эмигрантка.
Ничего не осталось. Совсем ничего.
Ни тарелки, ни фартука, ложки, платочка.
Лишь цветастый застиранный половичок,
крепко сцепленный ниткою — белая строчка.
Домотканые тёплые половики,
каждый коврик, что праздник, что Пасха, что эрос.
Моя бабушка Ньюра. В четыре руки
мы клубки с ней плели, как эпоху, как эру.
Из старья, из тряпья. Из рубашек и брюк.
О, какие мы делали ленты цветные,
как стрекозы, как бабочки. И возле рук
они плавно взлетали, порхали вокруг;
открывался старинный пахучий сундук
нить ложилась на дно. В память, в явь и во сны. И
накорми наше море большим кораблём!
Накорми нашу сушу двором, сквером, пеньем.
Знаю: смертные все... Но не бабушка! Льном,
пряжей, шерстью и шёлком клубок за клубком
мы с ней делали то, что умеем.

...Ткётся ниточка к нитке, что лента в косе,
ткётся жгут со жгутом на другой полосе,
на бобине, на прясле да на колесе.

А как время настанет твоё помирать:
ничего-то не нажили, только тряпье
и, ненужных другим, колобочков гора,
но они мне дороже всего, коль – моё!
И страна, что моя, мне, поверьте, нужна.
И мой дом потому, что он кровный. Он мой!
И мой ветер неистовый, что не унять.
И сереющий холмик, поросший травой.

Перед полем сраженья, малиновым, нерукотворным,
настоящим настолько, что каждая капля свежа,
в это поле давно свои спелые хлебные зёрна
уронила прадедова русская в землю душа!
После этого, кто бы сюда не наведался, поздно,
там, где русских следы, чужестранным вовек не врасти!
Прогоняли ветра чужеземцев, зимою – морозы,
о, как пахнет земля, когда ты её держишь в горсти!
И сарматы роняли слезу, кровь лилась печенежья,
крестоносцы ползли, немчура через стоны и хрип,
уронила душа моя русская зёрна допрежде,
и саксонцам – не место,
и, кто к нам с мечом, тот погиб.
Приходи без меча, без оружия, мин и фугасов,

что же пули несёшь, что же танки ты тащишь сюда?
Что тебе не сидится в стране во своей англосаксов?
Здесь иная у нас, даже в небе Медвежья звезда.
И когда создавали из глины, песка и воды нас,
то метнули добавку из правды, красот и любви
высочайшее, божье, небесное, дерзкое диво
и все, сколько есть заповедей: возлюби, почитай и живи,
не предай, помоги, кому трудно, своих не бросай ты!
Жизнь за друга отдай, береги ты отчизну, как мать.
Оттого мы идём, отдавая сынов в путь солдатский.
Посадили мы зёрна.
Теперь хлеб пора убирать.

.

Вот этими дорогами и тропами
суглинными да смёрзшимися в ком
ходили праславяне мои, топали,
мордва, марийцы, муромы рядом.
Долины рек Суры, Серёжи, Мокши
у Старой Пустыни, Ветлуги, Городца,
чем я могу порадовать их – прошлых,
их – мудрых, беззаветных и хороших?
Шёл Серафим Саровский припорошен
метелью так, что не видать лица.
По этим тропам, втоптанном до праха,
до гибели, угля, цветов измятых,

налево – поле,
а на небе – птаха,
в любви весь рот – прикладываю вату.
Не надо говорить сейчас ли, ныне,
что позабыли мы свои святыни,
худое слово, что врагу в копилку,
худой поступок ковыли степные
разносят по округе, как опилки.
У нас врагов скопилось – целый список,
у нас врагов скопилось – список чёрный.
Мы помним род свой жарко и упорно,
мы помним племя от и до, и выше.
Кругляш, истёртый, солнца? Не брешите!
Поля в бурьяне да поля в полыни?
Нет, нет, поля ромашками расшиты
роскошными, славянскими, большими!
Послушай civil war и оставайся!
Такого нет: народ весь – горсть старушек.
Дорогой этой – золотой да царской
ходили наши предки со оружием.
Шёл Серафим Саровский – Святой, Святой!
Коль ухо приложу к земле, то чую:
гудит земля! Россия, Птиче, Мати
идёт себе в лаптях,
калошах, чунях!

Нейтральные воды – солёны воды.

Нейтральные воды Архипелажны.

Как будто курить за массивом гаражным,
чтоб мать не узнала однажды.

Нейтрально, что значит, всему параллельно,
не пересекаемо. Воды – солёны.

И годы солёны,
и слёзы солёны.

А ты, словно вне, ты отдельно.

Боюсь я нейтральных людей. Без разгула.

Нейтральные воды – синеют акулы,
нейтральные годы – ни мужа, ни деток,
невзрачные женщины – нейтралитетны!

Сегодня письмо получила: «В журналы
пришлите стихи, Света, но, чтоб нейтральны...»

Стихов нет. Я их порвала прямо в клочья!

И тьмы нет: её раскромсала я ночью,
как будто рубаху, что злую паскуду.

Нет грязной посуды – разбила посуду!

Нейтральных, а их без меня – миллионы,
про пьяницу Колю,
конюшню, загоны,

про деву, баптистов, базар и узбеков,
октябрь и веснябрь, что нельзя дважды в реку.

Нейтральной нет звонницы. Музыки нету.

Иль похороны, или к свадьбе звонили,

пришли нам нейтральное что-нибудь, Света,
нейтральную птицу,
нейтральные крылья.

Могла бы прислать... Но всё край, жжётся с хрустом
и весь мой словарь остриями искусан,
в нём порваны вены, истерзаны.

Тупо.

И танки ползут по гниющим, по трупам.
Нейтрально – се значит, трусливо и вяло,
как фотографировать рядом с пожаром.

Моя хата с краю.

Но нет хат и края!

Ты либо за нас, как в петлю «Англетера».

Нет, я – не пример, я совсем вне примера.

Я – вместе с народом. Однокоренная!

В нашей церкви Рождественской Спас-на крови
и она посредине огромной земли,
и она Спас-на правде и Спас-на любви,
ты постой рядом, возле,
мой каменный Храм,
если ляжешь, то я твоей буду травой,
отпевают впервой и венчают впервой,
каждым камнем цепляясь, тебя не отдам!
Эти женщины рядом – седа голова,
у меня коса крашена в розовый цвет.

Усмиряла себя, ибо я не права,
они старенькие так, как будто их нет.
Переносимся с Храмом мы вместе туда,
где сегодня война,
а война есть везде.

Не могу своего я жалеть живота,
я иду, и нет жалости мне в животе!
Ибо жалость одна: мало я родила
для Отчизны,
для родины и для страны.

Они были бы лучшими в мире сыны
наподобие сокола в небе, орла.

Мало я родила...

Храм, меня обними.

Нерождённые мне позвонят сыновья
прямо с передовой, ибо там все они,
и ещё нерождённая Настя моя,
у неё-то как раз эти – женские дни.

Подыши мне в затылок, кто ранен, живой,
это я, мой хороший, пластаюсь травой!

Это вы – нерождённые – сердца нажим
заставляете – надо! – кричите – Живи!

Это вы достаёте из всех передраг
и не только меня. Небо, рядышком ляг!

Как отпинавать смерть, словно теннисный мяч?

Храм стоит на крови посредине любви.

...Мои парни спасают тех, кто неходяч,
мои девки спасают от ран болевых!

Колыма – река в Якутии, Магаданской области России,
длина две тысячи километров от Кеньеличи...

Если подвезут сегодня снаряды, как всегда, подносили.
кричит дядя-Женя из своей лички,

а ты, блин, Африка, Африка,
а надо: рыба, золото, бивни мамонта.

Дороги, порты, горно-обогачительные шахты
в «Зекамерон» двадцать первого века!

Ну, какие расстрелы? Какие там плахи?

Лопату в зубы. Кайло. И стамеску.

Здесь сидели власовцы, бандеровцы, прибалты-каратели,
те, кто сотрудничали с фашистами, зеки,

здесь пусть попробуют эти предатели
танцевать на костях в Колыме, в лесосеке!

Где тяжёлые баржи идут вниз по Лене,
надевай сапоги и шей шубы оленьи,

так, дядя Женя?

Да, дядя Женя?

Хватит хайпить на наших сыночках солдатских!

Хватит вид принимать, что ничто не случилось.

Хватит русскими просто для виду казаться.

Как мне стыдно за вас перед братской могилой!

так, дядя Женя?

Да, дядя Женья?

Вот приехали вовремя наши припасы
и снабженье вдвойне, что улучшило время.

...Колыма свои русско-якутские пальцы
нам вонзает, лаская, в темя!

Наше русское поле ничем не испортишь!
Ни фугасною миной, ни живыми, ни мёртвыми.
Ибо поле всё Спасами Нерукотворными
снизу до верху теплится. Поле – наш кореш!
И летят вертолёты, привет тебе, поле!
И идут наши танки, привет тебе, поле!
Дым рассеется: поле – горячее мое
А фашисты удрапают на своё взгорье!
Наше русское поле ничем не испортишь,
все тлетворные запахи мёртвых нацистов
испаряются с ветром, цветами, которых
здесь бесчисленно, синих, безудержных листьев!
Наше поле глаголет устами младенцев
и глаголет оно географией света,
наше поле глаголет то Крепостью Брестской,
то скульптурой, что в парке, где Трепов.
Музыкальное поле,
огромное поле,
васильковое поле
берёзы да сосны.

Даже гаубицы этот пир не испортят,
даже взрывы, для поля они, что покосье!
Вспахут, как журавлями, родную муляку,
как живыми, но мёртвыми вспахут мышами,
наше поле – избыток, глобальное яблоко,
ешь его! А оно разрастается нами!
Обнимай его, руки раскрыв для объятья,
для распятья, а, значит, любви, ибо – поле!
Не выносит ни жёлто-блукитные тряпки,
пожирает оно чужестранцев, от боли
наедается так, что всё глубже могилы.
И плывут пароходы – привет тебе, поле,
и летят самолёты: люблю тебя, поле!
Поле, поле, бескрайнее русское поле!
Исторически поле – Кирилл и Мефодий,
ибо азбука липнет на тёплые руки,
ибо комья земли поля сердце проткнули,
ибо фразы его как из чрева, как роды,
каждый день по дитю я рожаю сквозь муки!
Наше поле в натуре врагу не облапать,
сколь не тискали, сколь не пытались нахрапом,
оно – голое,
но оно вечно в кольчуге,
в латах!
Не приманишь стекляншкой, ни с бисером ниткой,
не сносишь жёстким немецким ботинком:

как тряпичную куклу берёзку и клюкву.

Поле – это наука.

Поле – это наука

побеждать! Верить. Значить.

Наше поле не плачет

в Суре и на Ваче.

Это я вся в слезах здесь стою, точно в Храме.

И кричу – дай ему! Ибо русские! Дай им!

Не испортишь ничем наше русское поле

ни сухим сапогом, ни тевтонским проклятьем,

как писал Александр Ярославович – сборища

все кончаются нашим Ледовым побоищем.

Вознесеньем кончается в Небо распятие!

Там, где Анненковым ссылка. Дом – в цвет синицевый.

Город мой называть вы не смейте тюрьмой!

И горжусь, что я женщина – этой провинции.

ссылка Сахарову. А мне просто – домой!

Мне Большая Печёрская лучше всех в жизни!

И особенно кладбище, где люблю я гулять.

И Острог на Свободе, где Феликс Дзержинский
отбывал наказание, «Союзпечать»

возле улиц Ошарская мимо Белинки

здесь купить «Лит-газету» могла я всегда,

а ещё на бандитско-Канавинском рынке

отоваривался мой народ без труда.

Да, им ссылка.

Им ссылка.

А нам, что копилка.

Нам ларец. Шамшученков и Горький в придачу.

Короленко – на дачу. И Кочин – на сдачу.

Нам святое в том месте, у них там могилка!

Тот, кто нынче взял выиграл грант Президентский,

тот, кто ушлый, тот выиграл премию, конкурс.

Неужели за это они все боролись?

Каторжане, да ссылочные, диссиденты?

Отщепенцы, наивные, словно младенцы?

Из провинции я! Рассуждаю по-женски.

Берегу я по-женски. И мыслю по-женски.

Им окраина. А мне град-ось. Центр. Сближение.

Им тюрьма. Пересылка. Тропа мне – царёва.

Инда я побреду... ах, деревня, деревня!

Как же ново в тебе, всем другим, что не ново!

Если русский характер рифмуется, о, добрый друг,

это недруг клеветает про нас, русский: водка, медведь, ба-
лалайка!

Не отъять – ибо так обнимаем мы – сцепленных рук,
приближая восток прямо к западу! (Здесь можешь лайк-
нуть!)

О, я знаю наш взгляд, опрокинутый сердцем вовнутрь.

Мы с тобой сочинили стихов – хватит на сто галактик!

Мы с тобой столько выпили – всё опьянело вокруг,
кроме нас!

Это русский, типичный характер!

Обнимая берёзку поэтову, каждый свою.

Говоря: бездорожье. Муляка. Эй, где ты, родная столица?

Это русский характер: начальство бранить, как в раю,
а затем за него же пойти прямо в ад и убиться.

Эту мёрзлую землю грызть – ибо родная земля.

Проползти. Всем вперёд. Даже там, не прошёл, где бы
трактор.

Журавлиный народ, дай испить из того журавля
нам чистой воды.

Вот таков у нас русский характер!

Солнце русское в небе. О, Лад, о Лад мой.

Приготовили тело – осколки спелее в нём ягод...

Даже солнце мы гоним и гоним светило на Запад,
помираем, так с музыкой, это наш русский характер,
прекрати ныть, дружище. Сейчас не пристало ныть!

Через огонь. Через воды. И медные трубы, где нефть.

Наша нефть пахнет русским и освободительным стягом!

Я один раз заплакала, коль ты посмел умереть,
но не плачь обо мне.

У меня, друг мой, русский характер!

БАБУШКИНЫ ПОЛОВИЧКИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Они не умерли. Они вонзились в космос.
Из шахты номер пять и вместе с ней.
Я, как живым, пишу им: степь, свет, россыпь,
им, ставшим взрослыми, вдруг прямо из детей,
перемахнувшим отрочество, юность,
перемахнувшим старость,
прямо в мудрость
и в мужество!
Я сплю или проснулась?
И – по тропе за ними сквозь колючесть
цепляющихся веером ветвей.
Измучанные... битые... в кровище...
Идут, держась да спотыкаясь. Больно!
А лопухи под ноги корневища
им подложили. Вот и шахты штольня.
Едва рассвет. Точнее полрассвета.
Едва лишь солнце. Но оно в два света.
Оно в два космоса. Оно в два лета.
И две зимы. Как луч на парте школьной!
Их не сломать. Их не убить. Попробуй.
Трава целительно им кланяется в ноги.
Она целует им следы и обувь,
она растёт в канавах у дороги

Лопух, да мать-и-мачеха, да мята.
Притихли. Замерли. Ничто не колыхнётся...
Они давали, комсомольцы, клятву,
они кричали клятву – краснодонцы!
Что русский до победы! Не сдаётся!
Что русский юнармеец партизанит.
... Читаю список словно не глазами,
читаю список небом, мамой, солнцем.
Я каждый день пишу им письма, письма,
я каждый день пишу им смс-ки.
Авось, услышат. Ибо это близко.
Авось увидят ангельские фрески.
И нимб. И руки Боговы над ними.
Я помню их – живыми!

В чернозёмной столице да как не увязнуть?
В её жирной земле, в её гумусе, брюхе?
Вот Воронеж мне каркает! Вот клюёт мясо,
не из плоти его достаёт, а из духа.
Вот прорвёшься сквозь первый ты слой лестниц, в манну
уводящих, считай время, сразу нет года!
Где гора под источником Свят-Митрофана,
одноглавые Храмы вдоль спуска, вдоль схода.
Во второй слой: губернская архитектура
впережку со сталинской, значит, нетленна!
А Воронеж сильнее! Воронья натура

мне любимей, когда час – военный.

Мне не надо ни чая, ни булок, ни кофе!

Ибо мы мимо парков идём, мимо кладбищ,
здесь бесплатнее сыра, пожалуй, Голгофа,
ибо памятники тем, народ свой познавший:

Александру Кольцову, а ниже к оврагу

Иван Саввич Никитин в цветах бересклета,
выше памятник Бунину вместе с собакой,

а вот Белому Биму хозяина нету.

Третий слой он банален, как Мыза на склоне
в нашем городе Нижнем, сочащимся алым!

Так запляшет вдруг сердце в груди – «проворонишь!» —
что слетает ворона с ольхи у вокзала.

Беременная внуками моими,

огружая средь солнечного дня,

сноха ли, Магдалина ли, Мария

святая, грешная, но всё равно моя!

Идёшь, плывёшь ли бережно, покато,

в тебе, во чреве, в розовом нутре

они – живые! – им бы лишь созреть,

они любимые, мои внучата!

Беременность не красит никого:

лицо в пигментных пятнах, лоб отёчен,

от варикоза съехавший чулок,

но ты прекрасна! Ангельские очи!

Все Богородицы вокруг и вокруг тебя:
Владимирская руки распростёрла:
– Тебе не больно, милая, не больно?
А Тихвинская шепчет хлебосольно:
– Ступай по тропке, ветки, где хрустят!
Я слышу этот хруст. И гвалт. И гром.
Как тощей ты рукой вцепилась в руку...
Мой внук – солдат! Он должен быть рождён,
чтоб родину сберечь сквозь злую выюгу.
Вот эту хлипкую, родную нашу топь,
вот эти клюквой полные болота.
Мы все рожали, раздиралась плоть!
Мы сами вышли из кроващей плоти!
Орало горло:
– Женщина, ещё! Вдох-выдох, вдох,
рыдай, кричи, рожая!
Рожала мама. Бабка – четырёх,
прабабушка шестнадцать – молодая.
В безудержность да в крик, да в забытьё
рожай и ты! О, деточка, родная,
дитя своё! Не слушай вороньё,
зегзиц и Ярославн, Купавн. Снедает
нас всех усталость. Нemoщность. Всё-всё...
Как мне найти тебя такую, где ты, где ты?
Кормящая, рожаящая? Сон
ты мой всевечный, отводящий беды?

Внук не рождён, но я его люблю,
и внучка нерождённая любима!
...Идёт, идёт беременная мимо
ужели не внучатами моими?
Хочу такую же!
Сноху мою!
Вот синенькая жилка бьётся на шее,
вот крест православный, простой медный крест...
Не жалко вам Пушкина? Но пожалели
хотя бы себя!
Поглядите окрест:
на ваших костях, на крови вашей скопом,
солёных слезах, что сквозь время текут,
на ваших сынах, что убиты! Европа
танцует, гуляет и есть свой фаст-фуд!
Не жалко вам памятник Пушкину? Бойтесь
хотя бы камней, что разбиты в куски.
Сто тысяч поэтов,
сто тысяч геройских
груд, масс, глыб, железа возрастут вопреки!
Я видела: мне сквозь пространство гляделось,
как синенькая жилка билась на шее,
живая, живая! И в этом бесценность,
и в этом всевечность, бессмертность и дерзость,
и чем больше быют, тем поэт наш живее!
Чем больше его убивают – жив больше!

А вы всё хотите к британцам да шведам,
сортиры мыть где-нибудь пошлые в Польше,
тарелки лизать после пышных обедов!

И, как бы не пыжились, вы – второсортны
для них!

Вас Мазепы зовут на работы!

Но больше гнетёт меня словно в цейтноте:
нательный крест Пушкина, жилочка в ямке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.